В странах Восточной Европе переход к рынку сопровождался приватизацией государственной и кооперативной собственности, в ходе которой исчезал принудительный труд и начинался экономический подъем. В отличие от них в Советском Союзе принудительный труд, приспосабливаясь к зарождавшемуся рынку, порождал нараставшие провалы в экономике страны. "Через 8 лет после войны, - пишут Ю. Левада и В. Шейнис, - когда в побежденных странах обозначилось экономическое чудо, а наша пропаганда твердила о незабываемых хозяйственных успехах и еще более грандиозных "покорениях природы", в городах нередко выстраивались многочасовые очереди за продуктами, в деревне же, почти как в военное лихолетье выгребались только что не последние "три мешка сорной пшеницы".[1]

Примечательно, что Ю. Левада и В. Шейнис подобно многим исследователям полагали, что наши тогдашние беды заключались лишь в незнании общества и его лидера как нужно проводить реформы.[2] Однако дело заключалось отнюдь не в степени изученности проблемы. Властные структуры

---

[1] Ю. Левада, В. Шейнис Почему тогда не получилось// Н. С. Хрущев Материалы к биографии. М., 1989. С. 172.
[2] См. Там же. с. 186.

во главе с Хрущевым были непосредственно заинтересованы в сохранении несовместимого с рыночным прогрессом подневольного труда.

Этот труд в городах и поселках отличался от принудительного труда при жизни Сталина [3]. При жизни Сталина господствующим было прямое государственное принуждение, при котором работник потреблял лишь то, что ему в натуральном виде выдавало государство. В наиболее законченном виде такое принуждение практиковалось в концентрационных лагерях, численность заключенных в которых во времена Хрущева значительно сократилась.

После смерти Сталина ведущее место занял получавший зарплату работник (порой имевший семью), который в течение ряда лет не мог покинуть место работы. В то же время, существуя на зарплату, он уже был связан с рынком потребительских товаров и услуг. С прошлым эти отношения роднил принудительный труд деклассированных масс. Он не имел ничего общего с добровольным трудом тех, кто мог свободно распоряжаться своей личностью, продавая рабочую силу либо занимаясь предпринимательством.

Возглавляемые Хрущевым партийные структуры славили систему государственного принуждения в противовес добровольному труду, практиковавшемуся в так называемых «капиталистических» странах Запада. Если говорилось о труде советских людей, - пишет И. Земцов, - то в сознании обязательно должен возникнуть ассоциативный ряд: «героический», «самоотверженный», в крайнем случае

[3] Земцов И. Реальность игра не перестройки (справочник) L., 1989. С. 11.

«доблестный». Тот же труд на Западе представлялся «подневольным», «непосильным», «унизительным». Советский народ – всегда «великий», «мужественный», народ капиталистический, как правило, «многострадальный».

Двуликий характер деятельности Хрущева, о котором так много пишут исследователи, был порожден тем, что он был поборником государственного принуждения, породившего спрос на потребительские товары и услуги в обстановке, когда подневольный труд колхозника уже не мог этот спрос удовлетворить. Между тем, продовольствие составляло основную статью денежных расходов трудившихся по найму работников. Этим объясняются судорожные попытки Хрущева найти рецепт немедленного решения продовольственной проблемы.

Этим же объясняются его циничные утверждения о том, что он вместе со всеми страдает от недопотребления. “Когда до революции я работал слесарем, - пишет, в частности, Хрущев, и зарабатывал свои 40-45 рублей в месяц, то был материально лучше обеспечен, чем когда работал секретарем Московского областного и городского комитетов партии”.[4] Оказывается, беспощадно эксплуатируемый при царизме горняк был “материально лучше обеспечен”, чем секретарь Московского областного и городского комитетов партии. Как здесь не вспомнить крики персонажа Маяковского: “За что мы убили государя императора и прогнали господина Рябушинского, а? В могилу меня вкопает Советская ваша власть...”.[5]

[4] Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 247.

[5] Маяковский В. Клоп//Владимир Маяковский. Поэмы. Пьесы. М., 1985. С. 399.

Отмеченный симбиоз рыночных отношений и принудительного труда ограничивался только рамками связей подневольного работника. Он не затрагивал отношений между государственными хозяйствами, где все, минуя рынок, строилось на приказных, административных началах.

Пока промышленное производство отсталой крестьянской страны оставалось ограниченным, административные внутрипромышленные связи функционировали без перебоев. Однако по мере роста промышленного хозяйства возможности их использования все более сужались из-за роста применявшихся показателей.

В 1937 г. распределялось 250 видов так называемой фондируемой продукции с бесчисленными детальными предписаниями в каждом *индивидуальном* случае относительно способов и норм использования, а также кому и в каком количестве отгружать произведенное. В дальнейшем количество связей, обусловленных централизованным распределением, возрастало ускоренными темпами. В 1940 фондировалось уже 450 видов.[6] В начале 50-х гг. этот показатель составил 10 тыс.[7]

К этому времени Госплан СССР уже не мог централизованно оперировать ставшими неисчислимыми для него показателями. В итоге в первой половине 50-х гг. в его ведении осталось менее 2-х тыс. наименований фондируемой продукции, предназначенной преимущественно для военных нужд. Остальные были переданы в ведение Госпланов союзных республик СССР, занимавшихся в основном

---

[6] Gganick D. Management or The Industrial Firm in the USSR. A Study in Soviet Economic Planning. N. Y. P. 135.

[7] Dobb M. Socialist Planning. Some Prolems. L., 1970. P. 18.

удовлетворением собственного потребительского спроса. На этой почве росли противоречия между Москвой и республиками. Их дальнейший рост позднее обусловил развал СССР.

Принятые меры могли лишь на время замедлить, но не предотвратить нарастания кризиса централизованного распределения людских и материальных ресурсов. В условиях существования в начале 60-х гг. 42 тыс. промышленных предприятий, стоявших на самостоятельном балансе, и 19 тыс. строек производственного назначения - сферы централизованного распределения людских и материальных ресурсов - число показателей связанного с ними планирования продолжало неудержимо возрастать. В 1965 г. эти показатели включали "примерно 6,2 тыс. наименований предметов труда и около 11,8 тыс. орудий труда, машин, оборудования и приборов. В качестве самостоятельных позиций в номенклатуру централизованно распределяемой продукции были включены оборудование, машины и приборы по типам, диаметрам, грузоподъемности, маркам, емкости, напряжению и другим техническим параметрам".[8] В годовых планах предприятиям устанавливались до 500 показателей, регламентировавших их хозяйственную деятельность.[9]

Проконтролировать выполнение такого множества показателей никакими административными мерами было уже невозможно. Из инструмента принудительного распределения материальных и людских ресурсов централизованное

---

[8] Некрасов О. Отраслевой принцип управления промышленностью и технический прогресс. //Вопросы экономики. 1965. № 5. С. 20.

[9] Там же. С. 3.

планирование превратилось в свою противоположность: в источник анархии, исключавший диктуемое сверху распределение.

Независимо от распоряжений министерств планы предприятий стихийно устанавливались по их "отчетной базе", исходя от достигнутого уровня, который сами руководители всякими правдами и неправдами занижали, порождая тем самым хаос в снабжении и отгрузке готовой продукции. В связи с этим росла армия толкачей, представительские расходы которой намного превосходили официальные директорские фонды.

Стремясь покончить с хозяйственным хаосом, директора требовали предоставления им права самим устанавливать независимо от централизованных предписаний прямые хозяйственные связи и решать собственные производственные проблемы, имея в своем распоряжении достаточно денежных средств. Формально они не отрицали существования административного централизованного планирования. Однако на деле их требования подразумевали замену административного распределения рыночным со свободой принятия решений как изготовлять и что для этого нужно приобретать.

Именно эти настроения директората отражал проект реформ харьковского экономиста Е. Г. Либермана, опубликовавшего в "Правде" 9 сентября 1962 г. статью "План, прибыль, премия". Позднее статья была дополнена его же публикацией в "Правде" 20 октября 1964 г. под названием "Еще раз о плане, прибыли и премии", а также публикациями в журнале "Коммунист".

Существовавший разрыв в публикациях, с одной стороны, свидетельствовал о том сопротивлении, которое оказывал партийно-

государственный аппарат предложенной реформе, с другой, - о тех закулисных силах, поддерживавших директоров, интересы которых выражал автор. Среди разделявших идеи Е. Г. Либермана были выдающиеся советские экономисты Л. В. Канторович, В. С. Немчинов, В. В. Новожилов и др.

Предлагая директорам право свободно принимать и увольнять работников в зависимости от собственных производственных нужд, Е. Г. Либерман фактически предлагал ликвидировать прикрепление работников к своему рабочему месту. Именно поэтому в первых откликах на его статью в газете "Правда" подчеркивалось неприемлемость отказа от планового распределения людских ресурсов. В дальнейшем этот вопрос со страниц газеты был продуманно снят, в связи с чем последовавшая дискуссия свелась к скучному обсуждению определения размеров денежных фондов, предназначенных для поощрения управленческого персонала.

Тем самым от реформы, предложенной Е. Г. Либерманом, ничего путного не осталось. Е. Г. Либерман предлагал свести централизованное руководство предприятий к объему продукции в номенклатуре и срокам ее поставок с тем, чтобы предприятия сами составляли свои собственные планы, включавшие показатели по производительности труда и численности работающих, заработной плате, себестоимости продукции, накоплениям, капиталовложениям и новой технике. Таким образом, бесчисленные натуральные показатели свелись бы к стоимостным отношениям, свойственным рынку.

Как известно, система централизованного распределения потребительных стоимостей покоилась на существовании острейшего дефицита, когда каждый директор стоявшего на

самостоятельном балансе предприятия был рад заполучить любой компонент независимо от его качества, необходимый для изготовления плановой продукции. Теперь же настало время, когда директора потребовали предоставления им права самим удовлетворять спрос на изделия и составляющие их компоненты, порождая при этом вместо дефицита избыток предложения с присущими ему конкуренцией производителей, безработицей и прочими атрибутами рынка. Иными словами, вместо хронического дефицита возникла бы рыночная зависимость - зависимость предложения от спроса.

Пойти на такой шаг политбюро не могло, ибо в условиях рынка могла исчезнуть властная пирамида, присваивавшая прибавочный продукт за счет эксплуатации подневольного труда. Неслучайно после длительных и мучительных обсуждений, время от времени выплескивавшихся на страницы "Правды" и других газет, был принят косыгинский вариант, сведший "реформу" к появлению в распоряжении директоров несколько большего по сравнению с прежним денежного фонда, предназначенного для премирования инженерно-технических работников и служащих, а также для представительских затрат (в сущности взяток) толкачей. Таким образом, все вернулось на круги своя. Попытка директоров проводить рыночную политику закончились крахом, ибо она давала им возможность распоряжаться предприятиями как своей собственностью.

Основным объектом централизованного планирования оставалось незапятнанное рынком военное производство вооружений, одновременным производителем и потребителем которых было само государство. Партийные структуры были непосредственно заинтересованы в максимальном

увеличении военной продукции, не зависящей от существования рынка потребительских товаров.

Зарплата в городах вместе с отчислениями на социальные нужды в это время составляла не более 20% ВВП. Свыше половины ее тратилось на продовольствие. В развитых странах с рыночной экономикой доля зарплаты в ВВП составляла почти 60%, из которой на продовольствие расходовалась меньшая часть. "Таким образом, 80% ВВП брало на себя государство (на нужды военно-промышленного комплекса, армии, КГБ, на поддержку "революционных" режимов, на разворовывание)".[10]

Отстаивая принудительный труд, советское правительство балансировало "на грани войны". Под предлогом угрозы ядерного нападения США периодически проводились испытания ядерных бомб и подземные ядерные взрывы. Строились бомбоубежища. Под этим же предлогом наращивалось производство ракетной техники, танков и других вооружений. "Народ, - писал Ельцин, - выдержавший самую страшную войну в своей истории, спешно изолировали от внешнего мира, вводили идеологический карантин. Международные политические кризисы следовали один за другим, а официальная доктрина утверждала, что начнись мировая война, погибнет один только капитализм".[11]

В западной прессе в это время раздавались предупреждения о том, что в ходе гонки вооружений советский народ останется без штанов. Однако авторы этих возгласов обычно не учитывали того, что советское правительство, рекламируя заявления об очередном безотлагательном решении

[10] Белоцерковский В. Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2002. С..25.

[11] Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С.172.

продовольственной проблемы, целеустремленно добивалось того, чтобы советский народ оставался голодным.

Хроническое сокращение потребления обреченного на подневольный труд населения - вообще характернейшая черта тоталитарного государства. Однако после войны возник новый момент. Он заключался в том, что модернизация вооружений - изготовление атомных бомб, ракет, бронетехники и т. д. - сопровождалась громадным ростом вещественных затрат за счет сокращения потребления в условиях, когда под влиянием рынка денежные затраты работников росли. На этой почве усиливались противоречия между подневольными повинностями и порожденным ими рыночным спросом, в котором постоянно главное место занимало продовольствие.

Неспособность колхозной деревни удовлетворять возникшие потребности была очевидной. При сохранении ее подневольных устоев выход из создавшейся ситуации Хрущев и его команда первоначально нашли в росте производства приусадебных хозяйств, на долю которых приходилось всего 2% возделываемых угодий. Расчеты строились на том, что колхозники, выращивая коров и свиней, смогут покрыть дефицит мяса в стране. В 1954 г. был отменен налог на владение коровой и свиньями. Налог на приусадебный участок был понижен в 2,5 раза. В 2 раза сократилась сумма подписки на очередной государственный заем развития народного хозяйства СССР выпуска 1953 г. Но эти меры были лишь каплей в море беспросветной колхозной нужды. Крестьяне за счет своих жалких приусадебных хозяйств не могли удовлетворить рыночный спрос. К тому же 50 млн. семей не имели коров.

Упадок приусадебных хозяйств продолжался. Колхозники все больше продовольствия покупали на рынке. Среднеарифметическая сельская семья в 1986 г. была вынуждена приобретать в государственной или кооперативной торговле 31 кг. мяса (против 20 кг. в 1981 г.) и десятки кг. овощей и фруктов.

Потерпев неудачу в решении продовольственной проблемы за счет приусадебных хозяйств, Хрущев переключился на создание совхозов и укрупнение колхозов. Все вновь созданные хозяйства на целинных землях были совхозами. В мае 1957 г. был выдвинут очередной скоропалительный лозунг: в течение трех-четырех лет догнать США по производству мяса, масла и молока. В феврале 1958 г. были ликвидированы МТС, а их техника продана укрупненным колхозам по несусветно высоким ценам. Долги колхозов госбанкам за выкупленную технику составили более 2-х млрд. руб.

Последней административной попыткой, не считаясь с рынком, спасти основы подневольного труда был курс Андропова, насаждавшего силами КГБ соблюдение на всех уровнях "партийной, государственной и трудовой дисциплины".[12] На деле такое соблюдение означало использование чекистского террора для защиты экономического порядка, существовавшего в стране. Подневольный труд населения занимал в нем центральное место.

Между тем кризис продолжал углубляться. В 1980-1985 г.г., по сообщению А. Аганбегяна, рост советской экономики был равен нулю. Позднее начался ее спад. "Осенью 1989 г. заместитель премьер-министра, руководитель экономической реформы А. Абалкин признал: "Наше экономическое

---

[12] Андропов Ю. В. Речь на пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г.//Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. 210-211.

положение из месяца в месяц продолжает ухудшаться". Итоги первой половины 1990 г. свидетельствуют об усилении экономического кризиса. Национальный доход сократился по сравнению с периодом 1989 г. на 1%, производительность труда на 1,5% и т. д.".[13]Особенно тяжелая ситуация сложилась с продовольствием. В июне 1989 г. премьер-министр Рыжков сообщил Съезду народных депутатов, что Советский Союз закупит за рубежом 44 млн. т. зерна.

С каждым годом лишения становились все более мучительными. Люди требовали предоставления им возможности свободно покупать рыбу, мясо, масло и т. д., которые еще со сталинских времен отсутствовали в их питании. Власти же обвиняли народ в том, что он непомерно много ест.

В частности, во время сентябрьской поездки 1988 г. по Сибири "Горбачев услышал множество (как никогда раньше) жалоб на тяжелое продовольственное положение. Генеральному секретарю жаловались: нет колбасы, нет молока, нет сахара... Он отвечал, что причины нехватки продовольствия в том, что советский народ ест слишком много. И приводил цифры роста потребления мяса, молока, рыбы и т. д. на душу населения. "Для полноты картины скажу, - добавил генеральный секретарь, что потребление яиц в 1965 г. составляло 124 штуки на чел., в прошлом году - 272 штуки".[14] Если вычесть младенцев и значительную часть стариков, то окажется, что каждый взрослый в

[13] Геллер М. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Книга третья. Блеск и нищета Михаила Горбачева. М., 1995. С. 70.

[14] Правда 18 09. 1988.

нашей стране съедал в то время по яйцу в день! Цифра воистину фантастическая.

На самом деле даже по расчетам швейцарского института, пользовавшегося официальными данными советского правительства, покупная способность интеллигенции по сравнению с 1913 г. составляла 32% от 100% покупной способности 1913 г.; покупная способность крестьян - 49%, покупная способность рабочих - 72%.".[15] В действительности же эти официальные цифры при всей своей неприглядности завышали покупательную способность всех слоев населения, скрывая изобилие потребления коммунистического партгосаппарата. В лексиконе коммунистической прессы отсутствовали такие слова как «закрытые распределители», «специальное снабжение», «правительственные дачи», «кремлевские пайки» и т. д.[16]

Централизованное выделение фондов продовольственных товаров гарантировало изобильный стол "слугам народа". Рядовым же рабочим и служащим доставались лишь крохи. В Москве на предприятиях по жребию разыгрывались жалкие продовольственные заказы. Потом их сменили визитные карточки москвича, по которым товары продавались в ограниченном количестве в одни руки. В конце концов, дело закончилось тем, что колбаса, мясо, масло в течение большей части дня совершенно исчезали с полок магазинов, где покупателей встречали нагло улыбавшиеся от безделья продавцы.

[15] "О положении и процессах в стране. К шестидесятилетию советского режима". Доклад, прочитанный Е. Р. Романовым на Посевской конференции во Франкфурте-на-Майне * октября 1977 г.//Романов Е. В. В борьбе за Россию. М.,1999. С. 123.

[16] Земцов И. Реальность игра не перестройки (справочник) L., 1989. С. 11.

Еще хуже было на периферии, где возродилась карточная система с дикими очередями, сопровождавшими их отоваривание. "Сорок лет спустя после второй мировой войны, - писал З. Бжезинский, - советское правительство все еще распределяет мясо по карточкам, а недавно ввело карточки и на сахар. Как сообщала советская газета "Неделя" от 27 июня 1988 г., для жителей Свердловска и Свердловской области выпущены "бледно-желтые талончики продовольственных карточек. В каждом подъезде есть уполномоченный, который их раздает. 800 гр. вареной колбасы ежемесячно... 400 гр. сливочного масла. И 2 кг. мяса в год - к майским и октябрьским праздникам. По воскресеньям исчезают даже лапша и крупа: скупают деревенские".[17]

Одновременно с дефицитом продовольственных товаров рос дефицит промтоваров и услуг, обретая качественно новые черты: спрос на жалкий ширпотреб типа телогреек с ватными штанами сменился в городах и поселках спросом на проникавшие из-за границы модные иностранные товары, рассчитанные на быструю смену потребительских предпочтений. Появлению этого спроса способствовал демонстрационный эффект быта директората и примыкавших к нему слоев, привозивших из-за границы вожделенные вещи, либо получавших их в закрытых распределителях.

Еще больше способствовали его возникновению кино и телевидение, демонстрировавшие изобилие советской жизни в "период развернутого строительства коммунизма".[18]

---

[17] Там же. С. 222.

[18] Косыгин А. Н. Материалы к проекту конституции СССР по экономическим вопросам и управлению народным хозяйством РЦХИДНИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 45. Л.1.

Причем "коммунистическому изобилию" постоянно приходилось конкурировать с рядовым изобилием "загнивавшего буржуазного" Запада". Его показывали советским зрителям в фильмах, импортированных из-за рубежа.

В наших же фильмах советские рабочие неизменно проживали в отдельных квартирах, были безупречно по последней моде одеты. Их столы ломились от изысканных яств. Счет деньгам они не знали.

Под влиянием демонстрации такого изобилия дефицит модных промтоваров все дальше выходил за рамки ограниченных возможностей контролируемого компартией государственного снабжения. Отчасти он восполнялся за счет подделок под него, производившихся в подпольных мастерских под прикрытием коррумпированных властей.

До тех пор, пока рабочие ничего не знали, кроме "длинных как сроки" бараков, они мирились со своим скученным существованием в условиях отсутствия элементарных бытовых устройств. Когда же с экранов кино и телевидения, из газет и журналов их убедили в том, в каком достатке призваны жить советские люди в условиях «развернутого строительства коммунизма», их собственная беспросветная жизнь стала невыносимой. На этой почве идеи протеста против обстановки, порожденной подневольным трудом, все более овладевали массами.

Чтобы сбить накал их возмущения, принимались всевозможные меры. В идеологии они сводились к бесконечным доказательствам развращающего влияния западной культуры, чуждой коммунистического духа русского народа, необходимости защиты национальной самобытности и обусловленного ею патриотизма.

До сих пор козни западного сообщества противопоставляются несущей счастье всему миру России не только политиками, но и многими учеными РАН. Из-за этих козней, полагают они, происходит рост нищеты, сокращается численность населения, Россия утрачивает имидж русского государства.[19] В подобных писаниях мало что доказывается, они напоминают сталинский «Краткий курс», где все сводится к скучному перечню высказываний, восхищающих автора или несущих печать его проклятий.

На фоне таких сочинений как раньше, так и теперь процветает пропаганда несовместимости евреев с российскими духовными ценностями. "Антисемитизм в эпоху "перестройки", - пишет М. Геллер, - не только достиг интенсивности, неизвестной раньше в Советском Союзе. Он приобрел новое качество - стал официально признанным политическим течением. До "гласности" антисемитизм жил как бы на двух уровнях: на не афишируемом бытовом и официальном "академическом". Евреи испытывали различного рода неприятности в квартире, на улице, на работе; одновременно выходили многотысячными тиражами "научные труды", курируемые специальными институтами Академии Наук, занимавшимися организацией борьбы с сионизмом". После 1985 г. эти два потока объединились, появились неформальные объединения "Память". Несколько журналов ("Наш современник", "Молодая гвардия" и др.) превратили борьбу с евреями в ось своей публицистики. Организуются массовые митинги, на которых разоблачается прямая и оккультная деятельность евреев... Идеологи антисемитизма выступают по

[19] См., например, Плимак Е. На войне и после войны. М., 2005.

телевидению. Евреи изображаются как сила Зла всегда, испокон веков, вредившая русскому народу".[20]

Позднее, обвинения демократов в пропаганде "еврейских сил Зла" широко использовали русские фашисты, пытавшиеся вместе с коммунистами лишить власти президента Ельцина в октябрьские дни 1993 г. С тех пор прошло еще полтора десятилетия. А шовинистическая проповедь исключительности русского народа по-прежнему стоит во главе угла политики КПРФ, в которой идеи общинности, коллективизма и патриотизма занимают ключевое место.[21]

Но вернемся к нашим баранам. В обстановке нараставшего дефицита потребительских товаров приверженцы "Памяти" мечтали об одном - вернуться к принудительному труду сталинских времен, лишенному связей с рынком. Им противостояла группировавшаяся вокруг Горбачева аморфная масса приверженцев рыночных отношений, начиная от добивавшихся оптимальных сочетаний принудительного труда и рынка, и, кончая сторонниками искоренения принудительных повинностей.

Между тем кризис планирования натуральных показателей продолжал углубляться. "Во всяком случае, - писал в 1988 г. о советской экономике Алек Ноув, - если продукт имеет неоднородный состав либо размеры, показатели плана должны иметь обобщенный вид. На самом же деле, план включает 12 млн. различных продуктов с их полной спецификой, соответствующей 48 тыс. плановых показателей.

[20] Геллер М. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. С. 367.

[21] См. Программа коммунистической партии Российской Федерации (версия 13 съезда)//Коммунист № 1. Январь 2009 февраль.

Другими словами, в среднем каждый "продукт" в плановых предписаниях заключает 250 разновидностей. Учет такого количества разновидностей не в состоянии стать объектом детального систематического планирования. Над ним тяготеет проклятие неисчислимости показателей; необходимость рассчитывать бесчисленные варианты делает невозможным управление народным хозяйством".[22]

Возможности экономического роста на основе использования принудительного труда уже были полностью исчерпаны. Надвигался необратимый экономический спад вместе с ухудшением жизненного уровня масс. Чтобы выйти из тупика, по предложению Горбачева вновь вернулись к идеям Е. Г. Либермана, которые затем пытались претворить в жизнь под названием курса "ускоренного развития".

Характеризуя этот курс, официальный комментатор экономической политики ЦК КПСС А. Белоусов писал: "Следует ориентироваться: а) предприятия сами разрабатывают и утверждают пятилетние планы; б) отказ от финансирования капитальных вложений в действующие предприятия за счет государственного бюджета и переход к долгосрочному кредитованию и самофинансированию их производственного и хозяйственного развития; в) свертывание фондируемого материально-технического снабжения и переход к оптовой торговле средствами производства; г) переход к оплате труда в прямой зависимости от конечных результатов

[22] Nove Alec The Economics or Feasis Socialism. L., 1988. P. 73.

хозяйствования; д) предоставление предприятиям права самостоятельного выхода на мировой рынок".[23]

За исключением права самостоятельного выхода предприятий на мировой рынок, цитируемый перечень повторил основные положения, которыми в свое время оперировал Е. Г. Либерман. Как и в прошлом, они отражали устремления руководителей предприятий стать субъектами рынка. Иначе говоря, распоряжаться предприятиями как своею собственностью.

Теперь либермановские идеи готовы были поддержать значительно большее число лиц в руководстве ЦК КПСС во главе с ее Генеральным секретарем. Но одно дело осознание необходимости развития рыночных отношений, другое - претворение их в жизнь теми, кто составлял верхушку пирамиды государственных должностей, покоившейся на праве распоряжаться судьбами подневольных работников. В итоге "ускоренное развитие" свелось на бумаге к звонким пропагандистским фразам, оставляя на деле неизменным все то, что существовало у нас еще в хрущевские времена.

Претворить "новый" курс был призван опубликованный 1-го июля 1987 г. закон о государственных предприятиях, оставлявший их в прежних рамках централизованного государственного контроля. Партийные руководители продолжали разрабатывать в натуре директивные программы, распределять по предприятиям обязательные для выполнения заказы по централизованно установленным ценам, а также централизованно устанавливать размеры причитающейся прибыли. В

[23] Белоусов Р. А. Коренная перестройка управления экономикой СССР. М., 1989. С. 10.

1988 г. по таким госзаказам изготавливалось свыше 90% индустриальной продукции страны.[24]

Между тем, темпы разложения экономического строя СССР нарастали, тогда как те, кто его возглавлял - политбюро - были не состоянии реформировать его на последовательных рыночных началах. Возникла безвыходная патовая ситуация. В этих условиях внешний фактор стал решающим. Под его воздействием военный комплекс утратил полезность. В 1989 г. рухнула печальной памяти берлинская стена, возвестив конец холодной войны. С ее окончанием стали ненужными гонка вооружений и связанные с ней гигантские запасы дорогостоящего оружия.

С тех пор прошли десятилетия со своими неоспоримыми достижениями. Но коммунисты продолжают надеяться вновь повернуть колесо истории вспять к тому времени, когда военное производство с подневольным трудом занимало центральное место в жизни страны. В программе КПРФ 2008 г. записано: " Полному разгрому подверглась промышленность (читай военная промышленность - Ю. И.). Производство металлорежущих станков, например, по сравнению с 1991 г. сократилось в 11 раз... Производство тракторов - в 14 раз, вычислительной техники в 15 раз. Износ оборудования в среднем составляет более 50%. Обрабатывающая промышленность выпускает продукцию лишь в объеме 45% от уровня 1991 г. После 1991 г. не построено ни одного крупного современного предприятия. Исчезли целые отрасли,

[24] A Study of Soviet Economy... P. 27.

определяющие технический прогресс - электронная, радио и приборостроение".[25]

Такое падение производства действительно имело место. Ибо, во-первых, с прекращением холодной войны накопленная военная техника сразу же превратилась в утиль, пригодный лишь к переработке в качестве вторичного сырья; во-вторых, то же произошло и с ее выпуском на отсталых предприятиях. Положение стало меняться лишь после дефолта 1998 г., когда наметился рост производства техники с использованием высоких технологий. Этому же способствовал и кризис 2008 г., удешевивший, помимо прочего, строительные материалы, предназначенные для перестройки заводов на современных началах.

Основы тоталитарной экономики, на которых зиждилась неограниченная власть политбюро, оказались подорванными. Всепоглощающее военное производство, в котором государство одновременно было производителем и потребителем, сразу же превратилось в бессмысленное бремя, требовавшее колоссальных затрат. Уже в 1989 г. началось сокращение государственных военных заказов, приоткрыв двери для роста производства продукции, предназначенной для продажи населению.

Подобная закономерность присуща всем государствам. Наименьшие издержки при этом понесли США, где выпуск товаров для населения и в годы войны оставался на высоком уровне. Наибольшими эти издержки были в СССР, где выпуск товаров для населения был всегда самым низким. Между тем, вопрос о скорейшем переходе к производству гражданской продукции стал для

[25] Программа коммунистической партии Российской Федерации (версия 13 съезда)... С. 31.

советской промышленности вопросом жизни и смерти, органически исключавшим централизованное распределение трудовых и материальных ресурсов.

Окончание холодной войны благотворно сказалось на многих сторонах жизни СССР. Среди них мы считаем необходимым в данном контексте упомянуть ускорение распада СССР и конец экспансионистской политики Советского Союза, как на Западе, так и на Востоке. Существование вооруженных советской техникой раздутых национальных армий стран Варшавского договора утратило смысл. СССР тем самым лишился основного рычага воздействия на жизнь восточно-европейских стран, препятствовавшего развитию здесь рынка и демократии. Иначе говоря, препятствовавшего их свободному национальному развитию.

Что касается экспансионистской политики на Востоке, то СССР, конечно, мог направлять сюда под безвозвратные кредиты избытки своего ставшего ненужным оружия, но уже при резко сократившейся численности советских инструкторов и прекращении открытого подкупа партийных и государственных руководителей. "С 1950 г. до 1975 г., - пишет Е. Романов, - т. е. за последние 25 лет мы продали оружия на 14,2 млрд. долларов, на 7% больше, чем за этот же срок продали американцы. Если учесть, что продаем оружие на 30-40% процентов дешевле, то, следовательно, и соответственно больше, чем количество оружия проданного американцами".[26]

Кризис производства оружия обусловил и тот распад СССР, который обычно многие сводят только к "бездумным" росчеркам пера в Беловежской пуще. Поставленные подписи были действительно

[26] Романов Е. О положении и процессах в стране... 139.

политическими решениями, но за ними скрывалось снятие острейших экономических и политических проблем. Республиканские "единые фабрики" производили главным образом товары для населения. Они находились в зависимости от всесоюзной, сосредотачивавшей в основном военное производство. С его кризисом ослабли экономические скрепы, удерживавшие республики в рамках единого неделимого государства. Одновременно в самих республиках усилилась борьба за независимость и расширение производства потребительских товаров, восполнявших возраставший дефицит.

Уже в 1990 г. вопрос о республиканской независимости стал ключевым в жизни СССР. Его признаком явилась череда деклараций о государственном суверенитете, застрельщиком которых была Российская Федерация, возглавляемая Ельциным. После принятия 12 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР подобные декларации в 1990 г. были приняты Верховными Советами Украины, Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии, Башкирии, Калмыкии, Чувашии. 21 июля 1990 г. Верховный совет Латвии объявил декларацию сейма от 21 июля 1940 г. "О вступлении Латвии в состав СССР" не имеющей силы с момента ее принятия.

Без обретения республиками суверенитета распад СССР на независимые республики неизбежно пошел бы по югославскому сценарию с длительными этническими и религиозными войнами и взаимными территориальными притязаниями. На территории СССР подобные конфликты в неразвитом виде зарождались в Прибалтике, на Кавказе и в взаимоотношениях других республик. Но они так и не вылились в длительные братоубийственные войны.

Официальное признание суверенитета снимало основные противоречия.

Кульминацией противостояния республиканских и союзных руководителей явился заговор ГКЧП, возглавляемый первыми лицами союзного государства - вице-президентом Г. И. Янаевым, премьер-министром В. С. Павловым, министрами обороны Д. Т. Язовым и внутренних дел Д. К. Пуго, а также председателем Верховного Совета А. И. Лукьяновым. Их поддерживал и министр госбезопасности В. А. Крючков, постоянно выступавший с закрытыми сообщениями для заговорщиков.

Их суть была одна: "Демократы готовят переворот. Демократы - агенты ЦРУ. Америка готовит стратегический план захвата СССР с целью поделить национальные богатства между странами НАТО, уменьшить народонаселение, выкачать недра, оккупировать страну".[27] Среди этих обвинений немалое место занимали утверждения о том, что большинство демократов - явные и тайные евреи. В частности, Ельцина долгое время обвиняли в том, что он еврей, скрывающий свою подлинную фамилию Елькин.

Основные события путча разворачивались в Москве. Победителем стал Ельцин, запретивший КПСС и провозгласивший суверенитет России. Беловежское соглашение лишь довершило этот процесс. Без этого соглашения и последовавшего парада республиканских суверенитетов нельзя сегодня понять причин, породивших те мощные интеграционные процессы, которые происходят на огромных просторах европейско-азиатского пространства.

[27] Ельцин Б. Записки президента... С. 80.

Спектр сил возглавивших новые государства был крайне пестрый - от старой партийно-государственной номенклатуры, спешившей избавиться от московской зависимости, до демократов, представлявших интересы прежде всего другого отряда старой номенклатуры - а именно, директоров стоявших на самостоятельном балансе объединений и строек. Директора стремились по собственному разумению распоряжаться своими заведениями, чтобы, присваивая прибыль, свободно привлекать и увольнять рабочую силу со своих предприятий. Тем самым эпохе государственного принуждения к труду посредством прикрепления работника к рабочему месту наступал конец.

Наиболее последовательно эти интересы директоров отстаивал Ельцин, гордившийся тем, что он, "не допустил охоты на ведьм". "Мы не допустили революции!" - с гордостью говорил он; мы прошли между Сциллой и Харибдой, избежав революции"[28], окончательно открыв простор для ломки прежних отношений во имя развития рынка.

Действительно, после прихода Ельцина к власти никакого радикального слома советской государственной машины не произошло. Большинство перепуганных руководителей неудавшегося путча в конце концов были помилованы и отправлены на покой. Меньшая их часть покончила жизнь самоубийством.

Многие из старой номенклатуры, получив повышение, заполнили вакансии реорганизованного Ельциным государственного аппарата. Последний непосредственно вырастал из старого советского, отторгая тех, кто, утратив свои былые привилегии,

[28] Цит. по: Белоцерковский В. Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2002. С. 21.

был не в состоянии трудиться вне рамок иерархии старого партгосаппарата. За счет отторгнутых пополнялись ряды добивавшихся реставрации завещанных Сталиным порядков.

О связи советской номенклатуры с аппаратом ельцинской власти свидетельствуют данные нижеприведенной таблицы.[29]

Советская номенклатура в постсоветской российской элите 1995 г. в %

	Окружение президента	Лидеры партий	Региональная элита	Правительство	Бизнес-элита
Всего из советской номенклатуры	75,5	57,2	82,3	74,3	61
В том числе:					
Партийной	21,2	65,0	17,8	0	13,1
Комсомольской	0	5,0	1,8	0	37,7
Советской	63,6	25,0	78,6	26,9	3,3
Хозяйственной	9,1	5,0	0	42,3	37,7
Другой	6,1	10,0	0	30,8	8,2

Не вдаваясь в детальный анализ таблицы, отметим лишь несколько наиболее очевидных закономерностей. Во-первых, в окружении президента советская номенклатура состояла в основном из тех, кто в прошлом служил в госаппарате; во-вторых, наибольшую власть она сохраняла в провинции; в-третьих, новые предприниматели были в основном комсомольцами и хозяйственниками, выдвинутыми партинстанциями на руководящие посты.

[29] Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 219. Таблица составлена Крыштановской О.

В России, где 80% населения трудились вне сельского хозяйства, только промышленность могла стать первоочередной основой перехода к рынку. Трудности же заключались в том, что для этого нужно было не только освободиться от пут централизованного планирования, но и в корне менять производственный профиль: потребность в военной продукции чрезвычайно сузилась, тогда как конвертируемость военного производства в гражданское оказалась крайне ограниченной. Унаследованное с времен холодной войны военное хозяйство было главным препятствием на пути рыночной трансформации нашей страны.

Парадокс истории: там, где милитаризованное производство “единой фабрики” базировалось на развитой многопрофильной индустриальной основе, начальный этап перехода к развитому рынку оказался сопряженным с большими трудностями, чем в отсталой крестьянской стране, где “единая фабрика” со своим неразвитым милитаризованным хозяйством еще оставалась островом в бескрайнем крестьянском море. В первом случае рассматриваемый переход требует ликвидации военных начал индустриального потенциала для того, чтобы корпорации могли удовлетворять рыночный спрос. Во втором - рыночные отношения, начинаясь преимущественно в аграрной сфере, создают благоприятные условия для роста на рыночной основе индустриального производства, как это было, например, на Тайване, в Южной Корее и т. д.

На начальном этапе переход к рынку в нашей стране сказался не столько в том, что производила промышленность, сколько на потребительских предпочтениях населения. Иными словами, уже в самом начале ведущая роль в экономическом развитии принадлежала не военному производству,

считавшемуся коммунистической статистикой демиургом производительного развития, а торговле потребительскими товарами и услугами, относимой этой же статистикой к непроизводительным занятиям. Ее рост подстегивал опережающий дефицит, гигантски выросший в последние годы существования тоталитарной экономики.

Говоря словами Дж. К. Гелбрайта, "у населения было больше денег, чем товаров". [30] Только в 1988-1989 гг. было выплачено свыше 30 млрд. рублей неотоваренного фонда заработной платы.[31] Этот фонд продолжал расти. В частности, в сообщении Госкомстата СССР по итогам 9 месяцев 1990 г. отмечалось, что в обращение было выпущено денег в 1,7 раза больше, чем за соответствующий период прошлого года.

В свою очередь, изобилие денег в условиях дефицита товаров и личных услуг обусловило заоблачный взлет цен, позволяя порой на мизерный капитал сколачивать большие состояния. На ниве торговли для населения стремительно росли частные капиталы Баскина, Ходорковского, Аликперова, на той же ниве в строительстве металлических гаражей - капиталы Гусинского, организации мытья окон - капиталы группы Альфа и т. д. В создававшихся ими позднее корпорациях их собственные капиталы утрачивали частную форму, обретая акционерный вид.

В сферу торговли и услуг устремлялись не только бывшие подпольные дельцы и выходцы из номенклатуры, но и рабочие, ставшие лишними на своих замиравших предприятиях. За счет их

[30] Гэлбрайт Дж., Меньшиков С. Диалог капитализм, социализм, существование. М., 1988. С. 50.

[31] Трудный поворот к рынку. М., 1990. С. 65.

подключения к рыночным занятиям промышленность с ее простаивавшими мощностями избавлялась от излишка рабочей силы. Однако по сравнению с сегодняшним днем возможности тогдашней смены занятий были намного ограниченнее из-за неразвитости рыночного производства.

В этих условиях основным источником восполнения дефицита потребительских товаров сделалась заграница. И дело не только в том, что поступление на российский рынок товаров личного потребления резко сократилось из-за распада СССР. Разбросанные на бескрайних просторах Советского Союза многие виды товаров личного потребления в прошлом выпускались в рамках единой страны за пределами РСФСР. При этом из 239-ти важнейших видов продукции бытового назначения 82 производились лишь на одном предприятии и около 90 видов всего на двух.[32]

Качество же этой продукции не удовлетворяло потребностей покупателей.

Сфера покупок товаров в традиционном ширпотребовском исполнении резко сузилась. Ее вытесняли и продолжают теснить красочные товары массового потребления индустриально развитого мира, ставшие обязательным ориентиром для российской легкой промышленности.

Глубокий спад ее производства, использовавшего низкокачественное сырье, был неизбежен. С 1991 г. по 1995 г. выпуск шерстяных тканей сократился с 386 млн. до 72,2 млн. квадратных метров, хлопчатобумажных - с 5295 млн. до 1240 млн., льняных тканей с 497 млн. до 133 млн. За эти же годы

[32] Там же. С. 172.

производство обуви сократилось с 336 млн. пар до 51,6 млн. пар.[33]

Подобное сокращение производства было неизбежно, ибо в условиях рынка не производитель, а потребитель диктует, что и как производить. Хотя для ликвидации отставания с тех пор много делалось, оно полностью не преодолено. Одна из причин: существование рынка вышедших из моды, но зато более дешевых, товаров прежде всего в деревне, где проживает большое число пенсионеров и лиц близких к ним по возрасту.

Еще больше сократился круг покупателей российской тяжелой промышленности. Ее продукция, предназначенная для военных нужд, оказалась в основном никому не ненужной. Между тем только рынок с его диктатом потребителя мог обеспечить руководителям корпораций главенствующее место в экономике и политике реформируемой страны, умножая им возможности присвоения прибавочной стоимости.

В связи с этим руководители корпораций были непосредственно заинтересованы в коренной ломке старой административной подчиненности и в предотвращении появления независимых от них инвесторов, которые могли бы их смещать, препятствуя бесконтрольному распоряжению имуществом корпораций. Иначе говоря, они не хотели ни сохранения административных пережитков, ни существования полнокровных рыночных отношений.

Фактически директора были заинтересованы лишь в том, чтобы самим распоряжаться корпорациями как своей частной собственностью.

[33] Петраков Н. Я. Российская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 253.

Поэтому они решительно отвергли ваучерную приватизацию, которую собиралось проводить правительство Гайдара-Чубайса. Первоначально, по замыслу Чубайса, приватизация должна была осуществляться таким образом, чтобы 25% акций по номинальной цене получили бы работники корпораций, 5% - директора, а остальные пришлись бы на долю сторонних акционеров. Такое распределение могло служить гарантированной предпосылкой существования фондового рынка, где капиталы корпораций были бы, как правило, представлены множеством инвесторов.

Однако такой рынок для директоров был неприемлем. По их инициативе Верховный Совет 11 июня 1992 г. утвердил другой закон о приватизации (Чубайс был вынужден пойти на компромисс), по которому руководители корпораций и их коллективы могли приобретать на ваучеры 51% акций. В итоге директора и их немногочисленные клевреты получили возможность, скупая ваучеры, становиться обладателями контрольных пакетов акций предприятий, которыми они руководили. В соответствии с этим сценарием, в середине 90-х гг. было приватизировано девять десятых компаний.[34]

Закон лишь юридически оформил в рамках РСФСР те отношения, которые стихийно складывались до него. Еще в 1990 г. в СССР был создан Союз Трудовых коллективов, представлявший почти всю тяжелую промышленность и научно-прикладную науку.[35] Новым теперь было то, что, во-первых, был осуществлен переход от декларации о существовании трудовых коллективов к ее

[34] Blasi J. R., Kroumova M., Kruse D. Kremlin Capitalism. Privatizing the Russian Economy. Itaca, 1997. P. 89.

[35] Белоцерковский В. Продолжение истории... С. 29.

реализации в ходе ваучерной приватизации; и, во-вторых, в обстановке роста безработицы прикрепление работника к рабочему месту для руководителей трудовых коллективов стало ненужным бременем. На начало января 1992 г. в России государственной службой занятости было зарегистрировано 60 тыс. безработных.

Их число продолжало расти. Московская статистическая служба в феврале 1991 г. сообщила, что в Москве в текущем году ожидается 100 тыс. безработных. Принуждение к труду превратилось анахронизм. В феврале 1993 г. указом Ельцина оно было юридически окончательно уничтожено: ссылки, высылки, условные осуждения с обязательным привлечением к труду и условные освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду были запрещены.

Проводившаяся приватизация породила в свое время всплеск споров о том, каким у России мог быть безболезненный путь к рынку, поскольку Чубайс, по мнению большинства спорящих, навязал самый худший "капиталистический вариант" реформирования, обусловленный превращением государственной собственности в частную. В дискуссиях по проблемам "российского капитализма" принимали участие все признанные корифеи нашей экономической науки Л. Абалкин, О. Богомолов, Д. Львов, С. Шаталин, Н. Шмелев и др. В них участвовали и американские экономисты, на которых в качестве главных экспертов с возгласами: "даже они так думают!" постоянно ссылались российские ученые, отстаивая свои почти неразличимые программы.

И здесь нельзя не согласиться с В. Белоцерковским, который в этой связи писал: "Между этими программами нет принципиальной разницы, а

главное, номенклатура, оставаясь у власти, никогда не позволила бы лишить себя возможности быстро и за государственный счет приобрести в свое *коллективное* владение самые важные куски госсобственности. "Горвардская программа" была принята номенклатурой именно потому, что она наилучшим образом отвечала ее интересам. И Гайдар с Чубайсом отнюдь не были зачинателями злополучной реформы. Она вызревала исподволь в "недрах старого строя", как любили говорить марксисты уже в эпоху Брежнева".[36]

. Директорам новой формации, в прошлом выдвиженцам КПСС, импонировало неприятие коммунистами частной собственности с полнокровным фондовым рынком. Подавляющее большинство из них продолжали считать себя членами коммунистических организаций, объявлявших себя защитниками интересов рабочих.

Если на рубеже 80-90-х гг. забастовочное движение было направлено против коммунистических властей, то в начале 90-х гг. сами коммунистические хозяйственники инспирировали забастовки и пикетирование с целью получения кредитов, льгот, дотаций и т. п. под лозунгами защиты своих рабочих коллективов.

В частности, общая численность бастующих в ноябре 1993 г. - сентябре 1994 г. в масштабах России была невелика - всего порядка 164 тыс. чел., занятых на пятистах предприятиях, что равнялось примерно работоспособному населению пары среднего размера областных городов. Стачки и пикеты начинались по сигналам трудонанимателей. Их средняя

[36] Там же. С. 23.

продолжительность была всего около 4-х дней.[37] Зато воплей по этому поводу в печати хватало с избытком. Под их аккомпанемент власти предоставляли кредиты и другие льготы, за что регулярно получали соответствующую мзду. Нынешнее корыстолюбие властей порождено отнюдь не демократами, а их коммунистическими предшественниками.

Интересы красных директоров, разглагольствовавших о приоритете нужд рабочих коллективов, находились в непримиримом противоречии с теми, кто добивался скорейшего перехода к развитому рынку. В политике эти противоречия фокусировались в противостоянии законодательной и исполнительной власти. Законодательная власть в лице Верховного совета, возглавляемого Хасбулатовым, была оплотом красных директоров, стремившихся в целях своего обогащения сохранить status quo; исполнительная, возглавлявшаяся Ельциным - оплотом тех, кто добивался становления развитого рынка, что неизбежно вело к вынужденным компромиссам. На этой почве нарастали противоречия. Их апогеем стало вооруженное противостояние 1993 г.

Опираясь на поддержку масс, Ельцину удалось подавить мятеж и обрести право издавать законы, минуя Парламент. Но одно дело решать проблемы, пользуясь формально-юридическим обоснованием, другое - решать их в рамках реального сектора, где такого обоснования было явно недостаточно.

Как справедливо говорил дальновидный Потанин, "ваучерная приватизация проводилась не в интересах инвесторов, а руководителей предприятий.

[37] См. Кацва А. М., Патрушев С. В. Трудовые конфликты и забастовки. Октябрь 1993-сентябрь 1994.//Социальные проблемы. Трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. Россия,

Почти все директора из тех, кто только не были круглыми дураками, сохранили полный контроль над всем имуществом своих корпораций. Это был своеобразный компромисс. Если бы мы не удовлетворили интересы красных директоров, мы не смогли бы осуществить приватизацию. Из-за этого управление акционированными компаниями было крайне неэффективным. Руководители расхищали имущество и были некомпетентны (по меркам развитого рынка - Ю. И.)".[38]

Проводимая Ельциным реконструкция промышленности, рассчитанная на удовлетворение рыночного спроса, протекала замедленно. Приватизация действительно разрушила основы "единой фабрики", но ее следы еще чувствовались на каждом шагу.

В условиях рынка имущество предприятий обесценилось, как и та продукция, которая сплошь да рядом не находила сбыта. В данном случае мы говорим о реальных рыночных ценах, а не административно установленных в годы тоталитарного социализма. Последние были в десятки раз выше. Но если раньше их диктовала "единая фабрика" в соответствии с наращивавшимся военным потенциалом, то теперь в условиях рынка эти оценки превратились в ничто, так как цены стал определять потребитель.

Стремясь избавиться от обесценившегося производственного аппарата и нераспроданной продукции, красные директора уповали на получение дармовых бюджетных субсидий, повсеместное использование которых, как известно, было одной из главных черт экономики механизма рухнувшей

[38] Цит по: Brady R. Capitalism. Russia s Struggle to Free its Economy. New Haven, 1999. P. 142.

"единой фабрики". Полученные субсидии, как и остальные денежные средства предприятий, можно было, не дожидаясь инфляционного обесценения переводить в банки, откуда они всякими правдами и неправдами переправлялись в оффшоры, где оседали в иностранных банках на счетах красных директоров.

Пока денежные средства оседали за рубежом на счетах красных директоров, коммунисты считали это нормальным явлением. Тем более что с этих счетов проводилась финансовая подпитка коммунистических организаций. Хозяйственная номенклатура не забывала своих прокоммунистических родичей. За примерами не стоит далеко ходить. До сих пор на слуху скандальное дело ЮКОСА и связанные с ним уголовные процессы.

Для красных директоров крайне важно было максимальное увеличение расходов бюджета. Среди многих мифов коммунистической пропаганды, которой вторит немало видных наших ученых, есть расхожее утверждение о том, что бушевавшая в стране гиперинфляция была порождена политикой Гайдара-Чубайса, разоривших страну с благословения Международного валютного фонда.

В действительности же, все происходило с точностью до наоборот. Обратимся к известным фактам. В апреле 1992 г. Съезд народных депутатов потребовал предоставить субсидии промышленности и сельскому хозяйству в размере 1,2 триллиона руб., доведя бюджетный дефицит до 23% валового внутреннего продукта. В ответ правительство Гайдара объявило о своей отставке. Отставка не была принята. В качестве компромисса правительство согласилось предоставить субсидии в размере 200 млрд руб. с

расчетом, что бюджетный дефицит составит всего 5% ВВП.[39]

Однако требования увеличения субсидий продолжались. В свою очередь Ельцин не мог не считаться с требованиями красных директоров, которые, выступая организаторами приватизации, так или иначе, создавали предпосылки для появления развитых рыночных отношений. Под давлением Верховного Совета он был вынужден сменить Гайдара на Черномырдина, который в начале 1993 г. санкционировал предоставление красным директорам субсидий на многие сотни миллиардов рублей больше, чем предлагал Гайдар. В стране началась гиперинфляционная вакханалия. Ежемесячный рост цен достиг почти 30%. Годовые темпы их роста на потребительские товары составили 1354%, на средства производства - 1949%.[40]

От заоблачного взлета цен страдали все, кроме корыстных директоров и коррумпированных чиновников, связи между которыми облегчались тем, что они знали друг друга еще с былых времен, будучи в подавляющем большинстве выдвинутыми на руководящую работу партийными инстанциями. Первые получали дармовые субсидии, вторые - взятки за их предоставление. При этом по сравнению с прошлым размеры взяток многократно возросли вместе с многократно возросшей величиной денежных сумм, перепадавших директорам.

Дармовые бюджетные субсидии, позволявшие с прибылью распродавать обесцененный

[39] См. Иванов Ю. М. Социальная история России в свете трансформации экономических отношений конец XIX века - начало XXI века. От тоталитаризма к рынку (сравнительный анализ) М., 2006. С. 51.

[40] Blasi J. R., Kroumova M., Kruse D. Kremlin Capitalism... P. 35.

производственный аппарат и продукцию, гарантировали красным директорам немедленное обогащение, тогда как производственные затраты из-за гиперинфляции кроме убытков ничего не сулили. Вместе с тем, это не исключало существование отдельных прибыльных отраслей, на продукцию которых рынок предъявлял повышенный спрос, обнаруживавшийся в долларовом исчислении.

В условиях открытости рынка в отличие от сегодняшнего дня доллар в России стихийно стал единственно твердой мерой стоимости. Евро в качестве международной валюты тогда еще не было. Возможности прибыльного использования доллара были редки. Громадная же оборонка могла приносить прибыль лишь путем распродажи своих фондов, приспособленной к галопирующей инфляции. В первой половине 90-х гг. на оборонных предприятиях тяжелой промышленности использование производственных мощностей редко превышало 15-20% и в течение ряда лет оставалось на уровне 10%.[41]

Важным следствием гиперинфляции был полный развал денежного обращения, вынуждавший все предприятия, начиная с корпораций и кончая государственными структурами, использовать в своих взаиморасчетах натуральные платежи. Только в октябре 1993 г. взаимная задолженность достигла 28 триллионов рублей, которая преимущественно погашалась натурой. Денежные налоги в бюджет поступали крайне скудно.

Взыскать натуральные долги в государственном порядке было невозможно, так как без денежной оценки, они не могли быть предметом судебного рассмотрения. Их взимание становилось

[41] Россия после кризиса 1998 г. Доклад Всемирного банка//Вопросы экономики. 2001 г. № 12.. С. 76.

делом частного договора руководителей предприятий, творивших суд и расправу, прибегавших к похищениям неплательщиков, членов их семей, найму заказных убийц и т. д. Эта же практика распространялась и на устранение конкурентов. Для нее создавались собственные службы безопасности, формировавшиеся в первую очередь из работников правоохранительных органов. Криминальный беспредел, смыкавшийся с бандитским, был прямым следствием хозяйственной практики красных директоров.

Чудовищный рост цен вызвал обнищание не только пенсионеров и бюджетников, но и большинства рабочих. На предприятиях, где они трудились, им безнаказанно задерживали выплату зарплаты, которая в это время прокручивалась в банках. Их регулярно отправляли в неоплачиваемые принудительные отпуска, либо вынуждали существовать за счет бесплатных обедов в заводских столовых или кредита в заводских лавках, где им предлагали самые дешевые низкокачественные продукты просроченной годности. В частности, в 1995 г. уровень жизни металлургов снизился в 2,5 раза.[42] На многих металлургических предприятиях задержка выплаты заработной платы доходила до 3-х и более месяцев.[43]

Среди многих указов Ельцина, играющих большую роль и в наши дни, следует отметить указ № 1 о социальном партнерстве и предотвращении трудовых споров (забастовок) на основе годичных

[42] Краморов М. Э. Социально-экономическое положение трудящихся в горнометаллургиской промышленности: проблемы формирования человеческого капитала.//Горнометаллургический профсоюз России в 90-е годы. Социальные проблемы и организованные действия. М., 1996. С. 10.

[43] Кацва А. М. ГМПР: опыт коллективных действий// Там же С. 41-42.

решений трехсторонней комиссии правительства, профсоюзов и предпринимателей. В условиях чудовищной инфляции закон не срабатывал. Он не мог устанавливать параметры социального мира в переживавшей кризис промышленности. Подобные соглашения возможны лишь тогда, когда происходит рост производства в обстановке предсказуемой инфляции.

Между тем, пишет М. Э. Краморов, "при общем сокращении производства промышленной продукции за 7 лет с 1989 г. по 1995 г. на 55%, производство в отраслях топливно-энергетического комплекса снизилось на 37%, цветной металлургии - на 39%. черной на 49%; машиностроении и металлообработке - на 68% и, наконец, в легкой промышленности на 85%".[44] Таким образом, во время кризиса в наибольшей мере пострадали не сырьевые отрасли, а отрасли перерабатывающей промышленности, определявшие степень индустриального развития страны.

Подсчитано, что в 1994 г. средний российский рабочий производил в промышленности товаров и услуг на сумму 4031 дол., или 337 дол. в месяц; в сельском хозяйстве - на сумму 1777 дол.[45], или 151 дол. в месяц. Из этих сумм производителям доставались крохи. С 1-го февраля 1993 г. минимальная оплата работников ведущих промышленных предприятий, находившихся на бюджетном финансировании, составляла 2250 руб. или менее 5-ти дол. при курсе 474 рубля за один доллар. [46] Тем самым чрезвычайно суживался платежный спрос на потребительские

[44] Краморов М. Э. Социально-экономическое положение трудящихся в горно-металлургической промышленности... С. 8.
[45] Blasi J. R., Kroumova V., Kruse D. Kremlin Capitalism... P. 24.
[46] См. Ельцин Б. Записки президента... С. 276-277.

товары и личные услуги, высокая величина которого является неотъемлемой предпосылкой существования развитого рынка. Последний душился на корню.

Нищенское существование рабочих и крестьян обеспечивало корпорациям высокие сиюминутные прибыли, которые посредством вкладов в иностранные банки оседали в карманах красных директоров. Тем самым нищавшая Россия с ее голодающим населением обрекалась финансировать индустриально развитый мир, ускоряя его развитие.

С точки зрения перестройки промышленности на базе новейших технологий такое хозяйствование было губительно. Новые технологии могут прибыльно внедряться лишь там, где они обеспечивают более низкие издержки по сравнению с затратами при использовании рабочей силы. Когда эти затраты мизерны, ручной труд и отсталые технологии успешно конкурируют с наукоемкими образцами.

Таким образом, экономика России к середине 90-х гг. оказалась в порочном кругу: с одной стороны, ее выживание определялось безмерным государственным субсидированием, порождавшим гиперинфляцию и нищету масс, с другой, - подобное ее выживание препятствовало подъему производства на базе использования новейших технологий. Субсидирование, гиперинфляция и нищета масс были прямым наследием эпохи централизованного планирования, препятствовавшим рыночному прогрессу страны.

Вряд ли здесь стоит останавливаться на всех перипетиях отчаянной борьбы сторонников Ельцина с инфляцией, которую в интересах красных директоров и тех, кто рассчитывал на реставрацию административного распределения всего и вся, отстаивал парламент. Достаточно вспомнить, что в ее разгар утвержденный парламентом бюджет на 1993 г.

вдвое превышал тот, который предлагало правительство. В этих условиях для Ельцина и его сторонников государственные краткосрочные обязательства (ГКО) были единственно доступным средством избавляться от громадного излишка обесценившихся денег.

Самое замечательное, что наша "передовая" экономическая наука обычно трактовала ГКО исключительно под углом зрения быстрого обогащения российских и зарубежных банков и просто предприимчивых спекулянтов.[47] При этом намеренно либо невольно упускалось из виду, что ГКО позволяли боровшемуся с инфляцией правительству Ельцина изымать из обращения громадные денежные суммы. Разумеется, это не исключало того, что банки и просто спекулянты действительно чудовищно обогащались. Страна платила вынужденную дань из-за тех, кто, опираясь на прокоммунистическое лобби, утверждал бюджет с чудовищным дефицитом.

Обычно Ельцину ставят в вину дефолт 1998 г., превративший рубль в реально конвертируемую валюту. Дефолт действительно болезненно сказался на положении народа. Но без него последовавший подъем реального сектора экономики и улучшения положения широких масс были бы невозможны.

Эпоха Ельцина - эпоха разрушения экономики тоталитарного социализма и начавшегося перехода к современному рынку. Многие проблемные стороны нашей жизни, которые сегодня мы успешно решаем: начиная от приватизации жилья и земельных участков, решения жилищной проблемы, борьбы с

[47] См. Шмелев Н. Монетарная политика и структурные реформы в экономике постсоветской России//Вопросы экономики. 2002. № 5. С. 30.

чиновничьей коррупцией и т. д. и кончая договором СНГ-2, проблемами сплочения Содружества на постсоветском пространстве, были четко намечены еще в те годы, когда президентом был Ельцин.

В его лице Россия имела устремленного в рыночное будущее современного руководителя. Строго соблюдая конституцию, он умел решать в официальной и неофициальной обстановке сложнейшие вопросы государственной политики, апробируя свои решения во время встреч с массами.

Его пророческие высказывания еще в годы противостояния с Белым домом до сих пор не утратили свою актуальность. "Какие великие исторические решения, - писал он, - должен был принять съезд сидящий в Белом доме? Быстренько вернуть нашей Родине "былую славу"? Присоединить Крым к России? Объявить Молдавию, Грузию, Украину, Среднюю Азию, Прибалтику зоной исконно русских интересов? И сказать, что всех несогласных ждет встреча с русским оружием. И это было бы лишь началом. Куда более "смелые и решительные" ждали своего часа. Люди, которых обуревает жажда глобальной войны с западной цивилизацией. А началась бы эта война с войны внутри России, с местными врагами - со всеми, кто думает иначе, кто прислуживает ельцинистам".[48]

Эти же идеи сегодня вынашивают и наши левые радикалы. Достаточно почитать в этой связи программу КПРФ, принятую в декабре 2008 г. на очередном 13 съезде. Но их надежды несбыточны. Зачинщики разжигания подобной войны внутри страны по закону о борьбе с терроризмом теперь подвергаются преследованиям без малейших шансов остаться им безнаказанными.

[48] Ельцин Б. Записки президента... С.390-391.